

Ф Глаголица

Плюсквамперфект не строится - иди читай «Глаголицу»!

В этом номере:

Очерк истории филологического факультета (стр. 1)

«Отцы и дети» (стр. 2 - 3)

Как вы проведете следующее лето? или Готовь телегу зимой (стр. 4)

Другими глазами (стр. 5)

Три загадочные буквы?...РКИ! (стр. 6)

Ты город-страж. Ты город-ключ (стр. 7)

Кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного (стр. 8)

Очерк истории филологического факультета: советские годы

Продолжение.

*Начало см. в номере
за ноябрь-декабрь 2011 г.*

Грянувшая Октябрьская революция привела к разрушению всей высшей школы. Началась активная «пролетаризация» студенчества. Однако усилиями крупных ученых, оставшихся в университете, удалось сохранить лучшее, что было накоплено за 167 лет развития филологической мысли в России.

В апреле 1931 г. на университеты была возложена задача готовить кадры по естественно-научным и математическим циклам для нужд производства.

Все гуманитарные факультеты оказались вынесены за рамки МГУ. Из них составили Московский институт философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского (МИФЛИ).

Институт просуществовал десять лет. За количество именитых выпускников его прозвали «советским лицеем». Среди прочих МИФЛИ закончили Александр Твардовский и Давид Самойлов. Теоретические курсы в нем сочетались с учебными и творческими семинарами, которыми руководили крупные русские ученые и писатели. Лекции студентам читали профессора-гуманитарии, избежавшие тюрем и ссылок или успевшие к тому времени из них вернуться.

С началом Великой Отечественной войны многие преподаватели и студенты ушли на фронт. Линия боевых действий приближалась к Москве, и в октябре 1941 г. было принято решение эвакуировать университет в Ашхабад. В Туркестанский край попал и МИФЛИ. И здесь он влился в состав Московского университета 4 декабря 1941 г.

В войну высшему руководству Советского Союза стало ясно, что старая марксистская доктрина перестала удовлетворять духовные потребности народа. Нужна была новая сильная объединяющая идеология. Ее формулировкой должны были заняться специалисты-гуманитарии. Готовить их для этого были призваны факуль-

теты филологии, философии, истории и журналистики, позже прозванные «идеологическими».

Весной 1943 г. университет вернулся в Москву. В его состав входило одиннадцать факультетов. Их число все время увеличивалось. Некоторые гуманитарные факультеты, такие как ИСАА и факультет журналистики, возникли как кафедры филологического факультета, а самостоятельными стали позже.

Во второй половине столетия на факультете была создана лаборатория устной речи (ЛУР). Благодаря этому нововведению стало возможно глубокое изучение живой человеческой речи. Сейчас некоторые выпускники факультета, прошедшие практику в ЛУРе, работают консультантами в правоохранительных органах.

В 1963 г. по инициативе проф. Л.В. Златоустовой была открыта лаборатория фонетики и речевой коммуникации.

Основные научные интересы ее сотрудников – автоматическое распознавание и синтез речи. Здесь, к примеру, разрабатывали стандарты современной радиотелефонной связи.

В те же годы на факультете были организованы кафедра и отделение структурной и прикладной лингвистики (ныне отделение теоретической и прикладной лингвистики). Это стало реакцией университета на бурное развитие мировой лингвистики в XX в.

В 1972 г. было присоединено к факультету отделение по преподаванию русского языка как иностранного. Со времени своего появления и до сегодняшнего дня теперь уже кафедра РКИ обслуживает все факультеты университета, обучая иностранных студентов русскому языку.

Окончание см. в следующем номере.

*Игнатий Орбелиани-
Муравьев-Апостол*

«Отцы и дети»

Мы спросили у преподавателей нашего факультета, что изменилось с тех пор, когда они сами были студентами.

Ольга Викторовна Александрова, заведующая кафедрой английского языкознания:

Я на факультете работаю уже очень давно, с 76-го г. Вообще говоря, я продукт кафедры и факультета, потому что я была студенткой, аспиранткой, ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, потом стала профессором, и Ольга Сергеевна [Ахманова, заведующая кафедрой — прим. Д.Р.] передала мне руководство кафедрой.

Я всегда очень любила языки. В моей молодости почему-то очень популярны были восточные языки. Когда родители в начале 10-го класса спросили меня, на какой же факультет я хочу идти, я ответила, что на тот факультет, который сейчас называется ИСАА. И учить хочу японский язык. Но родители сказали, что на нем говорит одна малень-

я попала сюда и занимаюсь всю жизнь любимым делом.

Как нигде, у нас сохраняются традиции: и на факультете в целом, и на нашей кафедре. Школа, созданная О.С. Ахмановой, жива до сих пор. Мы чтим ее традиции, прививаем это нашим ученикам. Что касается изменений, я думаю, что студенты мало меняются, и это хорошо. Основное отличие, наверное, — это большее количество возможностей и большая мобильность студентов.

Когда я первый раз приехала на стажировку в Англию в Лондонский университет, со мной произошла забавная история. Разговаривая с преподавателями кафедры, я заметила, что они странно реагируют. Я спросила, не говорю ли я по-английски что-то не то. Они ответили: «Нет, Вы знаете, Вы говорите очень хорошо, но Вы говорите так, как будто Вы приехали к нам из XIX-го века». Что вполне понятно, потому что все, что было доступно, — это литература XIX-го века, рубежа XX-го. Преподаватели все были наши, учебники тоже наши. Но Ольга Сергеевна была очень независимым человеком, она не боялась приглашать жен послов, которые здесь

вспомнить, что ректором долгое время был профессор И.Г. Петровский, очень известный ученый, но он никогда не состоял членом партии. Наверное, это был единственный крупный университет страны, где ректором был не член партии. И это никому не мешало.

Ирина Владимировна Гюббенет, доцент кафедры английского языкознания:

Я не вижу больших отличий современного студенчества от нашего поколения. Я считаю, что в каждом поколении найдут-

но. Изменения шли еще со времен М.В. Ломоносова, но не так стремительно, как сейчас. Изменился темп жизни, происходят разительные перемены, люди не успевают сохранять традиции. Но я хочу сделать упор на том, что общение со студентами мне приятно в такой же степени, как и раньше.

От моих студенческих лет у меня самые хорошие впечатления. Хотя мне это все досталось не малым трудом, потому что я поступала на факультет трижды, и то попала на вечернее романо-германское отделение (в то время был такой экс-

кая страна, и никто больше. А вот английский к тому времени уже был языком международного общения. Быть преподавателем в те времена было очень престижно, не то, что сейчас. И я сознательно хотела учить английский, потом пойти в аспирантуру, потом остаться преподавателем. Ни одной минуты в своей жизни я не пожалела о своем выборе. Наоборот, я очень благодарна своим родителям и О.С. Ахмановой, что

с большим удовольствием вели занятия. Сейчас, конечно, выбирай — не хочу.

Смотришь на студента и видишь — филолог. Я не знаю, почему, но в них есть какая-то интеллигентность, заинтересованность, я бы сказала, совесть. Я имею возможность сравнить, потому что также работала со студентами других факультетов.

Университет всегда, во все годы, был самой демократической организацией. Достаточно

ся люди, общение с которыми мне в удовольствие и в радость. Есть некоторая разница, пожалуй, в отношении к экзаменам. Мы не смотрели на экзамены как на испытание, которое надо каким-то образом преодолеть, сбыть, сдать, а потом забыть. Для нас это была совершенно уникальная возможность личного контакта с преподавателем. Я до сих пор помню экзамен по истории античной литературы с А.Н. Поповым. И я помню, как в заключение он мне сказал: «Когда-нибудь, когда Вы проживете большую жизнь и прочтете много-много хороших книг, Вы все равно вернетесь к античности. Потому что здесь, в этой колыбели европейской цивилизации, уже все было». И вот к этому моменту я как раз подхожу.

Чувствую ли я ту же атмосферу на факультете? И да и нет. Людям свойственно говорить, что раньше было лучше («в дни Елизаветы — чудная пора — лучше были лето, осень и весна!»). Однако процесс потери традиций активизировался, и это неизбеж-

перимент, но выпусков было всего несколько). Мои впечатления связаны со старым зданием на Моховой. Я там училась и там же начала работать. Там была совершенно особая атмосфера. Правда, из нашего окна площадь Красная не была видна, но звон курантов иногда доносился.

О.С. Ахманова предоставляла нам исключительные возможности общения с Британским посольством. Она приглашала жен послов, это были удивительные люди, с некоторыми из которых я до сих пор поддерживаю контакт. Это было совершенно особое время. Тогда Лондон еще не был полон наших соотечественников, о которых подчас складывается самое нехорошее мнение, а они знали, что общаются с элитой, с людьми, с которыми интересно. И это были люди очень высокообразованные, сами по большей части филологи. Это был взаимообогащающий обмен.

Я очень счастлива, что оказалась причастна к истории нашего славного факультета.

Беседовала Дарья Рабекина

Тамара Борисовна Назарова, профессор кафедры английского языкознания:

Учеба в университете захватила меня с первой минуты. Хотя я училась в очень сильной спецшколе, мне показалось, что в университетской аудитории к студентам предъявляются еще более высокие требования. Мне особенно запомнились занятия по фонетике: преподаватели помогали нам овладеть литературным британским произношением, и мы упорно отработывали звуки и интонационные контуры. Это чувство всепоглощающего погружения в специальность, охватившее меня на первом курсе, не покидает меня и по сей день!

Что изменилось за эти годы? Во-первых, многократный рост объема доступной информации. И преподаватели и студенты сталкиваются с гигантским информационным потоком. Это требует серьезных усилий — как когнитивных, так и организационных. Во-вторых, новые предметы и специализации. Когда я была студенткой, термин «английский язык делового общения» мне не был знаком. Но с начала 90-х г. прошлого столетия ситуация изменилась кардинально: у нас и спецсеминар, и спецкурс, и практический курс делового английского. В-третьих, изменился и статус самого английского: он признан глобальным языком (a global language), его называют мировым языком (a world language). При трудоустройстве знание английского языка делает соискателя более конкурентоспособным. Об этом неоднократно говорили представители агентств по трудовому найму.

Беседовала Дарья Рабекина

Валентин Евгеньевич Хализев, профессор кафедры теории литературы:

— На первом курсе, после поступления, было ли чувство страха и неуверенности?

— Нет, страха я не испытывал. Учился хорошо, но на лекции ходил мало. Такого не полагалось, но сходило с рук. А у меня была полоса увлечения музыкой, пианизм, частные

уроки, и я на этом был сосредоточен больше, чем на филологии. Никакой тревоги, никакого страха перед учебой не было, а вот опасения, что что-нибудь не то скажешь и персональное дело устроят, — такие опасения были.

— А кто был вашим научным руководителем?

— Руководителем семинара был на 2 курсе Николай Иванович Либан, а потом он мне сказал: «Идите к Пospelову, он вам больше даст, чем я». И я с Геннадием Николаевичем работал вплоть до диссертации включительно. Пospelова, замечу, как экзаменатора боялись больше других. Это были экзамены страшные! Он требовал знания большого круга фактов, например, когда то или иное произведение было написано, и, само собой, хорошего знания их самих.

— Расскажите о взаимоотношениях преподавателей и студентов.

— Там, где преподаватель не давал крена в сторону официоза, он нередко вызывал у студентов, ортодоксально настроенных, не очень хорошие чувства. Преподаватели побаивались студентов, опасались с их стороны каких-то обвинений. Вот достоверный факт. Лингвист, профессор. Руководство дипломом. Студент советуется, как построить диплом. «Ну, в начале несколько слов о марксизме скажете, — консультирует профессор, — и дальше то-то и то-то». Через некоторое время — донос студента на своего руководителя.

— Существовали ли тогда какие-либо студенческие общесства?

— Сколько-нибудь независимых от партийно-комсомольского руководства сообществ быть не могло. Но, начиная с оттепельных лет, упрочились студенческие научные общества (по секциям, которые соответствовали кафедрам). Много было живого и интересного, хотя и атмосфера несвободы давала о себе знать.

В 60–70-е гг я был куратором научного студенческого общества. Студенты собирались всегда, это было организовано для тех, кого не удовлетворяла работа в семинарах. Они это официально, конечно, не декларируют, но мне доверяли

(что я не пойду жаловаться). Куратор обычно сидел на предсидательском месте. Я же садился в уголок. И однажды ученый секретарь забрела в аудиторию и грубым, агрессивным голосом, будто она какую-то крамолу увидела: «Что это вы здесь делаете?!» Понимаете, студенты в аудитории, и в немалом количестве, человек 12–15, и без преподавателя (я в углу сидел, она меня не заметила). Криминал! Так что атмосфера несвободы сказывалась и здесь.

— А что скажете о Лотмане и тартуской школе? Как к ним относились на факультете?

— Это было в конце 50-х г. На факультете в преподавательской среде не очень откликались... Воспринимали как что-то выходящее за рамки дозволенного. Но когда в 60-м г. появилась первая книга Ю.М. Лотмана «Лекции по структуральной поэтике»... Она вышла в Тарту маленьким тиражом, но была у нас на руках. Это была теплая обстановка, кое-что уже разрешалось. И студенты пожелали обсудить эту книгу. Я, куратор, и глава секции студент Масловский написали объявление, ка-

кие вопросы в рамках научного студенческого общества ставятся на обсуждение. И в их числе был такой: «Является ли литературоведение наукой?» Вывешено было это объявление в коридоре нашего факультета на большом листе. И кто-то из студентов внизу подписал: «После появления книги Лотмана — является!»

— Вы часто прогуливали лекции?

— Мы хорошо знали, что соблюдать порядок нужно, а если

его и нарушать, то осторожно и хитро. Такой прием был: рядом с Большой Коммунистической аудиторией находилась библиотека. Когда была неинтересная лекция, отправлялись туда. Там занимались, а во время перерыва крутились, показывали себя около аудитории, потом опять уходили в читальный зал. Но бывали и неприятности. Вот один из случаев: у нас был заместитель декана, который ведал студенческой дисциплиной, Михаил Никитич Зозуля. Он отвечал и за посещаемость. Мой друг Игорь Виноградов (ныне главный редактор журнала «Континент») как-то пропустил лекцию, его застукал однокурсник и сказал, что его вызывает Зозуля на обработку за пропуск лекции. А Игорь был до смешного педантичен, у него по часам все было расписано: во сколько он то-то читает, то-то делает. Я видел его записную книжку, без смеха не могу вспомнить. Такой календарик по дням, перечеркнуто все, что было записано в тот деньги: «В три часа к Зозуле» (смеется).

— Расскажите про походы ваших студенческих лет.

— У нас на курсе был человек, который ведал туризмом, по комсомольской линии, и относился он к этому очень неформально. Его фамилия — Шапиро, и, в шутку, туризм у нас на курсе называли шапиризмом. В этом шапиризме я был одним из участников. Далеко мы не выбирались: Подмосковье. Походы нас как-то сближали, общались мы живо и весело.

На всю жизнь запомнилось: с моим другом Игорем Виноградовым, под его руководством (пять человек нас было) мы ходили на Кавказ. Это было лето 50-го или 51-го г. Теперь это края обжитые, а тогда это была глушь, и никого мы не встречали. Только один раз встретили пастухов со стадом, которые спасли нас от собак. Издалека, за 2 километра от того места, где мы палатку разбили, собаки почуяли нас, и мы поняли, в чем дело, с камнями в руках... Но пастух успел подойти вовремя и отогнал собак. Это было очень сильное впечатление. Об этом (как и о многих других фактах студенческой поры) говорится в моей мемуарной книге «В кругу филологов».

Беседовала Софья Олзоева

Другими глазами

Публикуем окончание интервью
с Урсулой Райс,
билингвом, выпускницей
магистратуры
нашего факультета.

Начало см. в номере за март-апрель
2011 г.

Урсула Райс: Надо говорить на том языке, который существует в действительности. Филологи часто указывают, какие формы нужно использовать. Но в обществе так не получается. Что, будет ходить милиция за всеми и штрафовать тех, кто неправильно употребил какой-то глагол, например *одеть-надеть*? Язык — достояние народа, и народ его творит, нравится нам это или нет. Но если брать русский язык как иностранный, то здесь, действительно, есть проблема, потому что иностранцев надо научить правильному языку. Носители и так знают, какие законы можно нарушать, а какие нельзя. А иностранцев мы должны предупреждать: «Так можно услышать, но говорить так не стоит, потому что вы можете нарушить не тот закон и не в той ситуации. Тогда это будет уже ошибкой».

— А различие систем терминов в англо- и русскоязычных традициях для Вас представляет проблему? Например, наша кафедра английского языкознания имеет свою развитую теорию и терминологию. Когда Вы поступили к нам в магистратуру, не возникла у Вас необходимость перестроиться?

— Нет, потому что в первую очередь для меня важен смысл, а как это называется, мне абсолютно все равно. Да, есть проблема, когда одним и тем же термином называются разные понятия в разных традициях, и, действительно, приходится выяснять, что к чему. Но меня это не интересует. Я пришла в лингвистику и в литературоведение, потому что я понимаю, что людям из разных культур, с разными языками необходимо общение. Надо научить людей общаться. И это то, что мне нравится делать.

— Как Вы относитесь к теориям Хомского?

— Если взять теорию лингвистической относительности Уорфа-Сепира, то я сторонник сильной версии этой гипотезы, высказанной Уорфом: в принципе мы друг друга не понимаем.

Хомский и его теории — тому доказательство, потому что его универсалии действуют только в английском языке. Какую он мог написать универсальную теорию, не зная другие языки? Есть понятийные категории, общие для всех людей: время, место, принадлежность... Но на этом наша возможность глубоко понять людей другой культуры кончается. Например, моя русская бабушка общается с моей американской тетей практически без слов: они улыбаются друг другу, дарят подарки, а когда моя бабушка звонит тете на день рождения и по-русски ее поздравляет, тетя чувствует только, что это хорошо. Понять друг друга они никогда не смогут — моя тетя, воспитанная южанка, *southern lady*, и моя советская бабушка-инженер. Да, они знают, что плохо и что хорошо, что вежливо и что невежливо. Но общаться между собой они не смогут. Я никогда не забуду статью про Байкал из «National Geographic». Рыбак, который вез ученых-американцев по Байкалу, искренне сказал: «Передайте Америке, что у них есть друг Сережа в России. Пусть они ко мне приезжают».

Я считаю, что мне в жизни крупно повезло: в раннем

возрасте я оказалась в другой среде, и жизнь у меня сложилась так, что я не потеряла ни тот ни этот язык и выросла

в двух культурах. Так бывает очень редко, но если это так, то ты не принадлежишь ни той ни другой культуре, ты — что-то третье, ты извне смотришь и на то и на другое.

— Это Вы так себя воспринимаете?

— Да, и себя в том числе.

— Может быть, проблема общения между культурами не так уж важна? Ведь язык, прежде всего, предназначен для практических целей, а не для передачи глубоких мыслей и личного опыта.

— Здесь есть два момента. С одной стороны, я верю свято, что мы друг друга не понимаем.

С другой стороны, это не мешает нам жить. Мы живем, самолеты летают, и, если мне очень надо, я и в Африке могу объясниться на пальцах и попасть туда, куда мне надо. Противоречия здесь я не вижу. Моя деятельность как преподавателя ориентирована на вторую составляющую: научить, как сделать так, чтобы поездка ходили по расписанию, самолеты летали, встречи проводились, молоко было куплено, за квартиру можно было заплатить. То есть главное — объяснить какие-то реалии. Что в России конверт подписывают, начиная с индекса, а в Америке — с адреса. Что если русский сказал: «Мне чашечку чая», — это значит не: «Мне маленькую чашку чая», а: «Мне, пожалуйста, чашку чая». Понять, какие средства употребляются в языке. Почему носители английского языка любят Present Perfect, который ненавидят русские и многие представители других культур, где этого нет. Я могу построить курс, сделать так, чтобы легче было общаться. Все равно: межкультурная коммуникация происходит, но едва ли можно сказать, что она состоялась.

— Вам не кажется, что

даже в рамках одной культуры понимание — окончательное, полное понимание между двумя людьми — невозможно?

— Да.

Но это уже

область философии...

Я прагматик. Я согласна с тем, что если я попросила на другом языке мне, скажем, чаю принести, и его принесли, то коммуникация состоялась. Принадлежность к разным культурам не мешает общению в бытовых ситуациях: жениться, работать, жить с кем-то в семье. Но все-таки часто мы друг друга недоуваем.

— Но в области научных идей возможно, по крайней мере, некоторое понимание?

— Думаю, нет. Наука любит словоблудие. Как бы от этого ни открепивались ученые. Я, в частности, говорю о гу-

манитариях. У термина должно быть определение, а в филологии нет терминов как таковых. У каждого человека своя трактовка. Вот спросите нескольких людей, что такое текст...

— Лучшие так не делать.

— Вот именно (смеется).

Есть очень хорошее английское выражение: «It's the nature of the beast». Такова природа этого явления. И с этим ничего не поделаешь. Будут писать, спорить. И для науки это норма. Но ученым надо понимать, что есть и ненаучная сфера и что средне-статистическому москвичу, мягко говоря, по барабану, что такое текст, синтагма и фонема. Они живут своей жизнью. Они покупают, продают, работают и не задумываются об этом, и слава Богу. И пусть дальше строят мосты, шьют платья, занимаются своим делом. Общество от этого не страдает: с одной стороны, от того, что филологи не могут договориться, что такое текст, а с другой стороны, от того, что большинству людей все равно, что такое текст. И как-то мы уживаемся, и войн по этому поводу не было. Вставать в позу и говорить, что все-таки мы должны упорядочить орфоэпию, чтоб все говорили с таким-то ударением, бессмысленно. Вы сначала сами разберитесь, что вы хотите от людей. А потом они еще будут с вами не согласны. И имеют полное право, как носители, быть несогласными. Это тоже их язык. Язык — не частная собственность филологов.

— Вернемся к практической сфере. Какие еще языки Вы знаете?

— Испанский. И еще два года изучала французский.

— Вы не занимались художественным переводом?

— Моя мама этим занимается. Я ей в какой-то момент помогала и поняла, что это не моя профессия. Я не могу сидеть восемь часов каждый день и копаться в словарях... Хоть стреляй меня, не буду. Я очень люблю общаться. Сидеть и дотошно проверять, чтобы это выражение соответствовало тому выражению, мне неинтересно. Очень люблю устный перевод, люблю преподавать. Это живая речь, живое общение. А книги, статьи — это просто не мое призвание.

Беседовал Георгий Майоров

Три загадочные буквы?.. РКИ!

Любой преподаватель РКИ (русского языка как иностранного) не раз ловил на себе недоуменные взгляды людей, считающих, что учить русскому языку может всякий русский, а уж филолог — и подавно.

На самом деле, все не так просто. Обучение РКИ требует специальной подготовки, так как носитель языка (в том числе и филолог-русист) не видит своего языка «со стороны», не может посмотреть на него глазами иностранца, в родном языке которого существуют совсем другие категории.

Например, понятие «падеж» совершенно чуждо многим носителям английского. Если англичанину сообщить, что в русском языке их шесть (или девять, добавляет русист), и перечислить эти падежи в традиционном порядке (Иван Родил Девчонку...), это никак не приблизит нашего иностранца к цели — говорить по-русски. Преподаватель же РКИ сразу задает себе вопрос: какие коммуникативные задачи решает мой англичанин и какими средствами языка он должен воспользоваться в процессе их решения? Конечно, иностранец представляется: *Я — Иен. Это моя фирма.* Значит, первым на уроке дается именительный падеж — без акцента на самом термине.

Кроме того, англичанин должен уметь найти какое-либо место в городе: *Где Большой театр? Где Красная площадь?* На следующем этапе преподаватель приходит на урок и говорит:

Вы уже знаете вопрос «Где...»? Давайте научимся отвечать на него. Где? — В Москве. Чтобы ответить, используйте предлог «в» и —а меняйте на —е. То есть после именительного изучается предложный падеж, а не родительный. Такой «функциональный» подход, ориентированный на функционирование единицы языка в речи, претворяется в жизнь на всех уровнях — от фонетики до синтаксиса.

И кстати, к вопросу об англичанине. Нередко у преподавателя РКИ спрашивают: «На каком же языке вы ведете урок? На английском?» Пора развеять еще один миф: современные методики предполагают общение преподавателя и ученика только на русском языке, даже на начальном этапе обучения. На помощь вам придут иллюстрации из журналов, рисунки на доске, машинки, фигурки человечков, будильник для темы «Время» и многое другое — список ограничен только вашей фантазией. Но в реальности, конечно, бывает необходимо обсудить организационные моменты или, например, все таки иногда перевести, поэтому преподаватель РКИ должен уметь более или менее объясниться по-английски.

На уроке преподаватель РКИ может услышать самые разные вопросы. В чем разница между *идти* и *ходить*? Почему нет действительного причастия **изобрёвший* («звездочка» означает, что форма образована неправильно) от *изобрел*? Как правильно

употребить императив *Не забудь!* и *Не забывай!*? Почему нельзя сказать **У Маши есть голубые глаза*, но можно *У Маши есть красная машина*? Самый забавный вопрос задал автору статьи один венгр: «Чем отличаются друг от друга одинаковые слова *смысль* и *мысль*?», — имея в виду *смысл* и *мысль*.

Преподавая РКИ, вы имеете отличную возможность познакомиться с другими культурами, другими точками зрения на привычные вещи и явления: начиная от простых жестов (разгибать или загибать пальцы в кулак, считая?) и заканчивая отношениями между людьми. Так, японец никогда не подаст вам свою работу одной рукой, только двумя (ведь вы учитель!), а голландка-феминистка вырвет из учебника страницу с текстом, где молодая девушка говорит, что не хочет учиться, а хочет выйти замуж и родить много детей. Итальянец, отвечая на вопрос, о чем, по его мнению, говорят «Охотники на привале», ответит «о женщинах», а австралиец скажет, что Россия его особенно привлекает тем, что здесь почти никто не говорит на его родном английском языке. Может быть, вы выпьете с аргентинскими нефтяниками «За нас, за вас и за газ!» или попробуете китайское «жареное молоко»...

РКИ — это ключ к целому миру, и у вас есть возможность открыть для себя этот мир!

Федор Иванович Панков, доцент кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания РКИ:

— Во-первых, на факультете существует отделение РКИ, на котором студенты учатся 5 лет (специалитет). Во-вторых, есть магистратура, в которой нужно учиться 2 г. В-третьих, начиная с III курса в течение двух с половиной лет можно абсолютно бесплатно пройти специализацию РКИ. Чтобы оказаться в числе счастливых, в конце 2-го семестра (точнее, в мае) кафедры РКИ проводят собеседование с второкурсниками, желающими получить эту дополнительную специализацию. В процессе обучения студенты слушают лекции, ходят на практические занятия, проходят педпрактику. Если сданы все экзамены и зачеты, то они получают сертификат, дающий право на преподавание РКИ в России и за рубежом.

Добавим от себя, что на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания также можно прослушать соответствующий курс (правда, в сокращенном варианте).

И вот заветный сертификат у вас в руках. Куда же пойти работать? Вариантов много:

1. Репетитор:

(+) Можно запросить за урок любую цену, а также согласовать с учеником удобное для вас время и место занятий.

(-) Начинающему преподавателю трудно найти учеников, и требуется помощь знакомых и друзей в поиске клиентов. Конкуренция большая, в том числе — за счет лингвистов-англоведов, которые думают, что могут преподавать свой язык без специальной подготовки. Кроме того, часто иностранцам-топ-менеджерам и другим высокопоставленным сотрудникам,

способным оплачивать ваши уроки действительно хорошо, занятия по РКИ заказывает и оплачивает их компания, которая предпочитает нанять преподавателя через языковые курсы. Нужно также иметь много различных учебников, а они часто дороги. Определенные деньги (и время!) тратятся на дорогу к ученику.

2. Языковые курсы:

(+) Нет проблем с поиском клиентов, если нужно, администратор помогает договориться с учениками. График свободный, как у репетитора. Пособия и учебники выдаются, но выбор может быть небольшим.

(-) Большую часть денег за урок курсы забирают себе, оплата относительно невысока. Недобросовестные курсы вводят к тому же, например, систему штрафов или отказываются заводить трудовую книжку, оплачивать больничный.

3. Государственное учреждение (например, Университет или Центр международного образования МГУ):

(+) Стабильный оклад, оформление по трудовой книжке и возможность заниматься научной деятельностью, писать диссертацию, публиковать статьи. Опытные старшие коллеги всегда готовы помочь молодому преподавателю, показать свои

уроки и ответить на вопросы. В распоряжении преподавателя множество учебной литературы, как новейшей, так и раритетной. Есть шанс поехать в командировку.

(-) Зарплата не астрономическая.

Кроме того, вы можете прослушать дополнительно курсы по методике проведения тестирования и стать тестором, т.е. принимать официальные экзамены на уровень владения русским языком в Центрах тестирования. Можно также преподавать РКИ за рубежом или в Москве при каком-нибудь посольстве. Можно даже выйти замуж за иностранца

Татьяна Отвагина

Ты город-страж, ты город-ключ

*Город мой, обласканный
Ветрами и сказками.
Ласковый.
Из песни о Смоленске*

На филфаке учится немало моих земляков-смолян. Именно так называют жителей Смоленска. А еще смоляне участвовали в строительстве ГЗ МГУ. Студенты МГУ тоже неоднократно приезжали на стройки Смоленщины.

Ну, а курганы поселка Гнёздово, вошедшего теперь в черту города, знакомы студентам истфака МГУ. В 1949 г. при раскопках одного из Гнёздовских курганов была обнаружена редчайшая находка — сосуд, на стенке которого сохранилась древнерусская надпись «гороушца», сделанная в X веке.

Смоленск — город древний. Первое упоминание в летописи относится к 863 г., когда на пути

езжают к нему, чтобы возложить цветы.

Смоленск расположился на семи холмах, как Рим и Москва. Обычно его называют «город-ключ», «город-воин». Смоленск — это ключ к воротам Москвы:

*Не раз и не два заслонял
он собою
Просторы великой страны.
И прежде, чем быть
Бородинскому бою,
Был бой у смоленской стены.
(А. Бодренков)*

В Смоленске много чудесных парков. В парке БлОнье можно сфотографироваться с бронзовым оленем (см. фото) и львятами. А в Лопатинский сад смоляне приходят прежде всего ради аттракционов и прогулок возле крепостной стены. На «горбатом мостике», отдавая дань моде, в последние 5 лет молодожены вешают замочки, символизирующие крепость брачных уз. В парке РеАдовка, где захоронено более 3000 патри-

«из варяг в греки» Аскольд и Дир увидели «град велик и мног людьми». По одной из версий город получил свое название из-за того, что здесь смолили лодки.

Смоленск стоит на Днепре, который делит город на две части — центр и Заднепровье.

Большинство достопримечательностей находится в центре. Смоляне шутят: «Редкая птица долетит до середины Днепра... Особенно, если лететь вдоль».

Единственный памятник погибшим на войне студентам, аспирантам и сотрудникам Московского университета, мемориал в честь народного ополчения, находится именно на Смоленской земле, в Ельнинском районе. И каждый год, 22 июня, люди Московского университета при-

отов, погибших во время Великой Отечественной войны, стоит памятник «Скорбящая мать». Там же сооружен Курган Бессмертия, перед которым горит Вечный огонь.

У Вечного огня Славы близ музея «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны», напоминающего внешне Брестскую крепость, находится памятник с орлами. Так в народе окрестили монумент с надписью «Благодарная Россия героям 1812 г.»: галл карабкается по скале, а орлы не подпускают его к гнезду. Здесь же, пройдя вдоль крепостной стены, как и в Александровском саду, можно прочитать названия городов-героев, в число которых входит и Смоленск.

Возле златоглавого Успенского кафедрального собора, в котором не раз проводил службу митрополит Смоленский и Калининградский, а ныне патриарх Московский и всея Руси Кирилл, стоит памятник фельдмаршалу М.И. Кутузову Смоленскому. Чтобы соборный холм не расшатывали трамваи, а также чтобы разгрузить улицу Большую Советскую (бывшую Благовещенскую), пришлось к неудобству многих смолян разобрать трамвайные пути, но обещанные горные троллейбусы так и не пустили.

Есть в Смоленске и костел, который был построен еще в XIX в. (в городе немало католиков). Сейчас он нуждается в реставрации. Богослужения проходят в часовне возле костела.

Смоленск пережил много войн. Обычно его сравнивают с птицей Феникс, возрождающейся из пепла. На старинном гербе города изображена пушка, но нет ядер: смоляне хотят мира, но могут дать достойный отпор врагам. На стволе пушки сидит Гамаюн. По преданию, на кого упадет тень сей птицы, тот станет счастливым.

Как писал смоленский поэт Н.И. Рыленков,

*Живой комочек пуха
на металле
Напоминает, что из века в век,
Чем яростнее пушки
грохотали,
Тем больше жаждал мира
человек.*

Борис Годунов, преобразивший архитектурный облик Москвы, уделил особое внимание Смоленску — пограничному городу, на обладание которым претендовала Речь Посполитая. Небезызвестный москвичам зодчий Федор Конь, возводивший вокруг первопрестольной Белый город, день и ночь работал над чертежами крепостной стены. Так и застыл он, каменный, в задумчивости у башни Громовой.

Крепостная стена — «каменное ожерелье России». Увы, немногочисленных башен сохранилось. Благодаря роману Ф. Эттингера «Башня Веселуха», в котором речь идет о странных мистических делах, происходивших в Смоленске в XVIII веке, башня эта прославилась. Ходят легенды о замурованных входах в катакомбы на Марсовом поле.

Не удивляйтесь, если, подходя к памятнику М.И. Глинке, услы-

шите его музыку из динамиков. Раздается она в определенные часы. Оригинальна и ограда памятника: она выполнена в виде нотных строк, на которых бронзовыми знаками записаны 24 отрывка из произведений Глинки. Именно «у Глинки» назначает встречи молодежь. Другие излюбленные места свиданий — «возле оленя» и чуть дальше, у памятника А. Твардовскому и В. Теркину, проще говоря — «у Теркина».

В центре города можно увидеть много памятников и посетить немало музеев, в том числе расположенных в башнях крепостной стены, один из которых — музей русской водки. А если есть желание, можно сесть в автобус и съездить в Талашкино посмотреть на храм, расписанный Н.К. Рерихом. Изображение здания любят помещать на коробки подарочных пряников. Увы, внутри оно не отреставрировано.

Среди известных смолян — Г.А. Потемкин, П.С. Нахимов, А.Т. Твардовский, М. И. Исаковский, Б.Л. Васильев, А. Азимов, Н.М. Пржевальский, Ю.А. Гагарин, М.И. Глинка, М.О. Микешин, Н.В. Румянцев, А.Д. Папанов, Ю.В. Никулин, М.А. Егоров, поднявший знамя над Рейхстагом...

Фирменный поезд «Смоленск — Москва» отправляется. Звучит гимн города-героя:

*От каждого камня здесь
мужеством веет
Дней наших и дней старины.
И если ты хочешь
Стать духом сильнее,
Побудь у смоленской стены.
(А. Бодренков)*

Александра Балашова

Кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного

Специальность «Русский язык как иностранный» (РКИ) становится в наши дни все более и более востребованной. С каждым годом растет количество иностранных граждан, приезжающих в Россию, чтобы учиться и работать. Это ставит перед филологическим факультетом задачу разносторонней профессиональной подготовки преподавателей русского языка как иностранного.

Обучение этой специальности началось в МГУ с 40-х гг прошлого века. На филологическом факультете не раз менялись организационные формы этого обучения, и постепенно подготовка в области РКИ стала широкой и многогранной. Сейчас она включает дисциплины лингвистического, лингводидактического и лингвокультурологического циклов, основывается на фундаментальных лингвометодических принципах, предполагает формирование у будущих преподавателей особого типа языкового мышления, отличного от традиционного, свойственного преподавателям русского языка как родного.

В феврале 2009 г. по представлению декана филологического факультета М.Л. Ремневой приказом ректора МГУ В.А. Садовниченко была создана кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного, которая объединила основные направления научно-исследовательской и учебной деятельности в области подготовки будущих преподавателей русского языка как иностранного. Среди этих направлений можно выделить системно-функциональное коммуникативно ориентированное описание русского языка как иностранного, разработку принципов создания общих и национально ориентированных курсов практического русского языка, анализ аспектов изучения русской культуры в иноязычной аудитории.

В настоящее время на кафедре обучаются студенты возрожденного в 2001 г. отделения «Русский язык как иностранный»; при кафедре открыты магистратура и аспирантура. На кафедре также получают дополнительную специализацию более 150 учащихся различных отделений филологического факультета (3–5 курсы). Учебный план по специальности «Русский язык как иностранный» включает курсы функциональной фонетики, лексикологии, морфо-

работы секции «Русский язык как иностранный (теория и методика преподавания)» неизменно характеризуется творческой активностью и доброжелательностью участников.

Сотрудники кафедры внесли значительный вклад в разработку лингводидактических основ обучения русскому языку как иностранному. Монографии, учебники и учебные пособия, созданные сотрудниками кафедры и адресованные будущим преподавателям

логии и синтаксиса, дисциплины «Русский язык в сопоставлении с другими языками», «Теория и методика обучения РКИ», «Обучение межкультурной коммуникации», «Компьютерные технологии в преподавании РКИ».

На кафедре работает пять семинаров, а для обсуждения промежуточных итогов проводимых учащимися исследований и возможностей их практического применения при кафедре организовано научное студенческое общество. Молодые ученые делятся результатами своей работы на заседании секции «Русский язык как иностранный (теория и методика преподавания)» в рамках общеуниверситетской конференции «Ломоносов», проводимой на филологическом факультете МГУ. В работе секции принимают участие не только учащиеся Московского университета, но и молодые ученые из других университетов России и зарубежья. Атмосфера

РКИ, широко известны за пределами Московского университета. Они играют важную роль в формировании предметной компетенции молодых специалистов. Назовем лишь некоторые из работ: Всеволодова М.В. «Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка» (М., 2000); Бархударова Е.Л. «Русский консонантизм: типологический и структурный анализ» (М., 1999); Всеволодова М.В., Панков Ф.И. «Практикум по курсу «Теория функционально-коммуникативной грамматики». (М., 2005).

Преподаватели кафедры являются авторами и соавторами учебных пособий для иностранных учащихся. Среди них: Бархударова Е.Л., Панков Ф.И. По-русски — с хорошим произношением: «Практический курс русской звучащей речи: учебное пособие для иностранных учащихся

гуманитарных специальностей» (М., 2008); Одинцова И.В., Малашенко Н.М., Бархударова Е.Л. «Русская грамматика в упражнениях. Рабочая тетрадь с комментариями (для иностранных учащихся)» (М., 2010). Результатом работы Е.Л. Бархударовой в рамках совместного проекта с институтом славистики философского факультета Гумбольдтского университета (Германия) стала книга: Одинцова И.В., Херрманн Б., Бархударова Е.Л. «Русские числительные в комментариях и упражнениях» (Гамбург, 2009).

Особого внимания заслуживают связи кафедры с иностранными партнерами, которые включают работу над совместными проектами, участие в международных конференциях и семинарах, проводимых зарубежными коллегами, выступления в зарубежных университетах с докладами и лекциями, посвященными актуальным вопросам теории и практики преподавания РКИ.

Педагогическим коллективом кафедры проделана огромная работа по повышению качества подготовки специалистов в области преподавания РКИ. Ее сотрудники проводят разносторонние исследования, охватывающие широкий круг лингвистических, лингводидактических и культурологических вопросов, и принимают активное участие в научной жизни факультета.

*Выпускница кафедры
дидактической лингвистики
и теории преподавания
русского языка
как иностранного
Е.И. Маркина*

**В номере за ноябрь-декабрь 2011 года по техническим причинам в списке авторов было пропущено имя Д. Рабекиной, а в составе редколлегии - имя Е. Крюк (с. 8).
Приносим свои извинения.
Редакция**

Глаголица

Газета филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Электронная версия газеты в Internet: www.philol.msu.ru/faculty/newspaper

Редколлегия: Е. Горбовская (ответственный редактор), Г. Майоров (редактор), Е. Крюк (редактор), О. Трушина (верстка).

Авторы: И. Орбелиани-Муравьев-Апостол, Д. Рабекина, С. Олзоева, А. Рудакина, Г. Майоров, Т. Отвагина, Е. Маркина, А.Балашова. Благодарим за возможность издавать газету декана филологического факультета проф. М.Л. Ремнёву.

Благодарим за помощь в подготовке номера Е.Г. Домогацкую.

При перепечатке ссылка на газету «Глаголица» обязательна. Мнение редколлегии может не совпадать с позицией авторов публикаций. Некоммерческое издание. Тираж 500 экз. Отпечатано в типографии Московского университета. 119991, Москва, ул. Академика Хохлова, 11. Заказ